

ДЕНЬ ВОЙНЫ

ОКТАБРЬСКИЙ ДОНЕЦК прекрасен. Пронизанный мягким осенним солнцем, в ослепительном золоте и багрянце ещё не опавшей листвы, ухоженный и чистый, он словно замер в какой-то особой предвечной медитации. Время, утомившееся за жаркое лето от зноя, теперь неспешно облетает кленовой листвой на траву газонов и брусчатку аллей. Незаметно подкрадываются ранние южные сумерки, и скоро город, залитый светом тысяч фонарей, превращается в какой-то сказочный Град, светящийся россыпями самоцветов, полыхающий огненными озёрами рекламы, укутанный в золотую парчу скверов и бульваров. И так хочется погрузиться в эту его ночную негу, вдохнуть пряный запах листвы на бульваре Пушкина, улоститься сыроу прохладу Кальмиуса, постоять на мосту, созерцая в тёмной плите воды медленный восточный танец бережневых огней. Но, словно бы по чьему-то заклинанию, город вдруг пустился, с его улиц исчезают люди и машины, и он, словно былинный Китеж, начинает погружаться в странный морок, неподвижность. И память тревожно окрикает: — Пора! Через четверть часа комендантский час!

И ты сразу вспоминаешь, что ты не в сказке. Ты в Донецке. Ты рядом с войной.

И в напоминание, глухо, словно бы откуда-то из-под земли, доносится тихое "Хум!" Это где-то недалеко от города Бог войны стукнул о донецкую землю своим огненным посохом, оставив на ней ещё одну курящуюся едкой толмой воронку.

Война никуда не ушла. Война здесь! И это её заклятие каждую ночь превращает живой, искрящийся силой и светом город в неживой призрачный Китежград...

Зачем это делает ВСУ? Ведь, вроде не нацисты сидят в окопах напротив, не "добробаты", обычная украинская призывная солдатня. Но каждую ночь по Зайцево начинают гвоздить из всех имеющихся здесь калибров. И не столько по позициям ополченцев, сколько по самому посёлку.

— А это нам Украина послание пишет. — Объясняет, сидя на скамейке у здания администрации, местный Диоген "дядя Сеня". В жёлтых скрученных пальцах он осторожно разминает сигарету.

...Дядя Сеня — в миру Семён Иванович Василец, личность в посёлке легендарная. Его дом долго стоял на самом краю села, на улице Генерала Брусиллова, она самая крайняя в "республиканском" Зайцево — это фронт, его самая передовая.

И дядя Сеня с женой три года, фактически, жили под огнём. Не хотели покидать свои стены. За эти годы дядя Сеня был трижды ранен, один раз тяжело. Была ранена его жена, но они упорно не хотели бросать свой дом. И вот, наконец, несколько недель назад украинцы всё же сожгли хату, и Васильцам пришлось перейти во временное жилище, выделенное администрацией. Но почти каждый день он приходит сюда. К доле своей дядя Сеня относится с каким-то непоколебимым стоицизмом, рассказывает о своих злоключениях так, словно пересказывает какую-то прочитанную книгу или сюжет сериала. Неспешно, спокойно, без эмоций.

Закуривает. Глубоко вдыхает ароматный дым и продолжает:

— Пишут, что не нужны вы тут нам! Лишние вы люди! И мы будем вас выкуривать, как тараканов, пока сами не разбежитесь, или не перебьём всех!

Потом вдруг оживляется.

— Он же, гад, специально по моему дому начал бить. Недельно подбирался. Я уже знал, когда он дежурить заступал. В какие дни. Спускался в подвал заранее. И точно, как темно, он начал мины кидать. То недалёк, то перелёт. Утром посмотри, скорректирует и снова ждёт до ночи. То сарай развалит, то соседский нужник. Но, наконец, на-

оборзели. Ведут себя нагло. Открыто обходят новые позиции. Ведут пристрелку. Постоянно провоцируют. По ночам долбят из всего, что у них тут есть. А в ответ — нельзя! Только при прямой угрозе, ну, типа, когда они в атаку пошли. Конечно, всё это сильно давит на психику. Ну и прочей ерунды хватает. Этого нет, того не поставили, это положено, но не привезли. Вот и крутятся как белка в колесе. Где дружка помогут, где волонтеры выручат, а чаще всего за свои покупаешь, "волонтерство" сильно похудохло. Война на Донбассе — уже давно обыденность. Нет, я, конечно, понимаю, что у нас здесь, "на передке", задача продергаться до подома Красной армии, но ведь и это совсем не просто! Протвинки у нас давно уже не те, что был в четырёхнадцатом и пятнадцатом годах. Во-первых они научились. Страшной ценой, но научились. И опыта набрались, и злости им не занимать. Очень хотят повкитаться и за Иловайск, и за Дебальцево. И командование у них уже выросло на этой войне. И технически они нас по многим позициям превосходят. У них вся связь американская, натовская. Всё им поставляется централизованно, комплектами с соответствующими сервисами. Сломалось — заменили. А у нас всё — за свои! На штатную связь без слёз не взглянешь. Прошлый век! Операторы беспилотников у них хорошо обучены, корректировщики. Снайперов много появилось. В общем, серьёзный враг! А у нас очень часто отсутствие необходимого компенсируется комиссариатскими призывами: "Надо!" и "Ты должен!"

А меня не надо агитировать Родину защищать. Я четыре года воюю! Здесь мой дом, моя семья, и я никуда отсюда не уйду. Вы дайте мне, чем её защищать! ЕСТЬ и другие проблемы. Бывает сложно выстраивать отношения с некоторыми старшими командирами. Пристрают сюда людей, часто совсем не понимающих, куда они приехали и зачем? Впечатление такое, что мы для них какие-то колониальные войска, а они приехали нами "поулить" и потом получить за это бонус в метрополии в виде новой должности или звёздочки на погонах. Высокомерие, снобизм, иногда даже откровенное хамство. А как иначе расценивать, когда тебе в глаза такой товарищ начальник заявляет, что все вы тут никто! Только за деньги и ходите на службу! Так и хочется спросить, а где ты был, дорогой товарищ, четыре года назад, когда тут денег никто вообще не видел, а бои шли такие, что продвижение отряда, численность в сотню бойцов, дивизион "Градов" полным "бэка" поддерживал, и в "ответку" прилетало не меньше? Вот тогда были настоящие командиры! С ними мы и победили! Не чета некоторым нынешним. Многие из ветеранов тех боёв посмотришь на таких "начальников", и поулыляешься. И деньги не удержали. Я сам несколько раз был на грани увольнения, но потом сам себя спрашивал: "Стоп, старый, ты уйдёшь, а кто воевать-то будет? Кто людей обучит? За кем они пойдут?" Ну и брал себя в руки. "Варяг" приехал — "варяг" уехал, а мне эту землю защищать. И ждате Красную армию...

Владислав ШУРЫГИН

ДОНЕЦКИЙ МЕРИДИАН

НА СЕВЕРНОМ ВЫЕЗДЕ

из Горловки, в частном секторе мы сворачиваем с улицы в какой-то тихий проулок и останавливаемся. Сопровождающий нас офицер пресс-службы Максим, больше похожий на учителя словесности, чем на "пса войны", из багажника микроавтобуса извлекает на свет божий огромную грязно-рыжую килу бронжилетов и мы начинаем в неё облачаться. Для большинства это первый опыт и определить, куда правильно сунуть голову, могут далеко не все. Максим терпеливо помогает раздеться, поправляет "бронники", запихивает и фиксирует под "липучек", надевает шлемы. Со ступенек ближайшей хаты за нами наблюдает пожилая женщина в бабушечьем халате и тапочках. В руках венчик и совок. О голые лодыжки вальщика трётся трёхцветная кошка. Мимо проезжает на "велике" худой мальчишка лет десяти-двенадцати, в линялых джинсах и футболке, и любопытн окладывает нас взглядом. Раздетая в бронжилеты, накрытая касками группа посреди сонного утреннего посёлка выглядит комично и глупо. Но, что делать? Мы в гостях у военных и эти их требования — безопасность должна быть гарантирована. Чтобы как-то нас морально поддержать, Максим сам тоже закулачивается в бронник и надевает шлем, после чего мы снова рассаживаемся по местам, и микроавтобус трогается. И минут через пять справа за окном мелькает белый квадрат дорожного знака "Зайцево". Немного попятая по улочкам, останавливаемся у здания городской администрации. Мы на месте!

Зайцево — это уже передовая. От здания администрации до передовой линии украинских блиндажей метров триста — четыреста, не больше. Не будь между нами домов — были бы как на ладони. Но сейчас, днём, тут почти тихо. Изредка где-то вдалеке сухо кашляют редкий расстрел, или щёлкнет бич снайперского выстрела. Всё начинается с заклатом солнца. Как и положено гоголевской нечисти, вся она вылезает из своих ям и схронов с тьмой. Зайдёт солнце, и оживут пулемётные гнезда, пластуна тьму альмы и синими росчерками "трассёров", начнут хлопать гранатомёты, кладбищенскими филинами заушают закопчённые миномётные глотки, и земля начнёт нервно вздрагивать под ногами от недалёких разрывов. За иноую ночь по Зайцево прилетает до двадцати мин, ну, а уж "стрелковку" и "гранники" — толком никто не считает.

Эта гоголевская жизнь называется "режимом прекращения огня" или "режимом тишины". Отвечать нельзя. За каждый "ответ" потом приходится долго писать объяснительные военным прокурорам и дознавателям. И, строго наступив брови, они тебе быстро объяснят — это "им" (ВСУ) можно! Они же ВСУ, банда без стыда и совести, а мы самое, что ни на есть, христианолюбивое и дисциплинированное воинство. Нам никак не можно! А если по-хорошему не понимаешь, то "на подвале" быстро просветление наступит...

администрации сквер с зоной отдыха. Главное, чтобы "эти" не мешали. А они мешают! Каждую ночь — обстрелы! В последнее время начали применять мины, произведённые в Польше. Разлёт осколков у них на порядок дальше, чем у прежних, и сила поражения — мощнее...

...Самое удивительное, что в Зайцево до сих пор живут дети. Тут работает школа.

— В посёлке сейчас живёт восемьдесят один ребёнок. — Рассказывает Дикун. — Мы, конечно, пытаемся всех эвакуировать, но люди просто отказываются уезжать и не хотят расставаться с детьми. Так и живём тут все. Было время, когда уходили из дома и со всеми прощались, потому что не знаешь, вернёшься ли живой, застанешь ли своих живыми. Теперь же не сахар, но хоть не так как раньше. А о быте нашем лучше всего скажет понятная тут всем шутка:

Мать зовёт сына с улицы: — Сынок, беги домой! Стрелять начали!

А он отвечает: — Мама, это пока далеко! Я ещё немного погуляю...

ЯБЫЛ НА МНОГИХ ВОЙНАХ и меня сложно смутить цинизмом войны, но от этого запредельно-чёрного юмора по спине распространяется ледяная искра. Но вокруг всё добродушно улыбаются. Им эта шутка понятна. Они здесь живут! Это их повседневность, почти обыденность. Здесь вам любой первоклассник, деловито утирая нос рукавом, перечислит быстрее, чем буквы алфавита, чем отличается звук стрельбы стада двадцатимиллиметрового миномёта — от восьмидесяти двух миллиметрового, а гаубицы — от танка. Здесь из хвостиков мин на клумбах выкладывают узоры.

Донецкая часть посёлка густо изедена оспинами воронок и мёртвыми гогорельными остовами домов. Украинская армия с какой-то непостижимо-циничной логикой методично и хладнокровно гвоздит по посёлку. Позиции защитников расположены на окраине, напротив украинцев. В самом посёлке никаких военных объектов нет, но нет улиц, на которых бы не стояли разбитые снарядами и минами дома, без рывитан снаряженных воронок и смертельных миномётных "солнц" — взрыватели мин настолько чувствительные, что рвутся едва коснувшись земли, разбрасывая в стороны сотни осколков, разящих всё вокруг и оставляющих на земле рисунок, похожий на то, как дети рисуют солнце...

Украинская часть Зайцево живёт тихо, вздрагивая только от "своей" стрельбы. Донецкие по селу не стреляют. "То своим не бьём!" — говорят в окопах...

На клдбище у "зайчат", так называют местных горловчане, уже можно свою отдельную аллею делать. А уж скёт раненых вообще идёт на сотни. На мелкие ранения уже никто и внимания не обращает. Это как случайно на кухне порезаться...

В осаждённой Горловке

На фронте "Шахтёр" с четырнадцатого года. Начал рядовым добровольцем. Сейчас командир подразделения. Ветеран! Мы идём с ним по ходу сообщения от штабного блиндажа к передовой позиции. Траншея причудливо извивается между руинами окраинных домов, то ныряя под каменные остовы стен и заборы, то одним коротким росчерком пересекая какие-то проулки. В этих бесконечных изгибах своя жёсткая военная логика, оточенная за столетия предыдущими войнами и поколениями солдат. Снаряд, "нащупав" ход сообщения или траншею, не должен своим разрывом задеть больше двух-трёх бойцов. Войны 20 века добавили к этому обязательную маскировку. Авиация своими "сотками" и "пятисотками" может быстро превратить любое инженерное чудо в лунный пейзаж, но только если положить их точно. Нынешняя война добавила к многовековому опыту ещё одну деталь — чем больше над головой перекрытий, тем лучше. Самодельные дроны — бомбардировщики, зависнув над позициями, могут сбросить гранату или мину, что называется, "в трубу" печи. Оптика видеокерам позволяет со ста метров читать надписи на упаковках сухой. Но на такой высоте и сами дроны — доступная мишень. Поэтому обычно они кружат куда выше. Днём их пытаются достать из "стрелковки" трассёрами. По следу трассёра легко корректировать огонь. Тяжёлые пулемёты стараются не применять: демаскировать их позицию — мечта противника, тут уже навзлячества всей мощью, забьют "стадачек", да и боеприпасы к "крупняку" не дешёвые. А вот потренироваться в метконости стрельбы из автомата или винтовки — тут уже кто кого. Поэтому днём дроны и коптеры жужжат высоко в небе, вне доступа лёгкой пули, высматривают, высцеляют, корректируют. Маскировка теперь основа основ, и, конечно, перекрытые от ударов с воздуха участки траншеи, боковые ниши — "лисий норы", укрываются...

И вот мы в передовом блиндаже. Здесь в холодное время и ночью отогреваются бойцы, от него вперёд к самому "передуку" уходит ход сообщения. По нему, в случае обстрела или тревоги, все разбегаются по своим боевым местам. После яркого солнца улицы — тут почти полумрак. Только из расщелин амбразуры на нас льются снопы золотистого октябрьского света, в которых лениво танцуют пылинки. "Как на картинах старых голландцев", — неожиданно всплывает ассоциация. Тишина. Спокойствие. И только рывобот об бесконечной стрельбы ствол ПК на полке перед амбразурой напоминает, что тут бывает жарко. Очень жарко...

Военный быт прост, но основателен. Толпаны с утра вившими цвет тощими матрасами, поверх которых расстелены "спальники", грубо сколоченный длинный стол, на котором громоздятся хлеб, консервы, посуда, кружки. Ещё один — со всякой амуницией. В дальнем углу выгородка. Там светится синевой дисплей радиостанции.

В центре вечная, как сама армия, стальная печка — "буржуйка", закопчённый дочерна чайник на ней. Под толчком чей-то старый абажур, в нём лампочка. Но сейчас она не горит — день. Совершенно неожиданно в углу глаза утыкаются в знакомый белый куб — холодильник! На его крышке светится зелёный огонёк — работает! Капительно тут ополченцы устроились! И, конечно, оружие. Пулемёт. Рядом короба с запасными лентами. Автоматы в самодельной, из автоматного же ящика сделанной пирамиде. На полке ящик с гранатами, у стены гранатомёт, снаряжённый темно-зелёным копьём гранаты. На взрывателе предохранительный колпачок с белой тесьмой, для удобства съёма. Ещё целая охапка выстрелов стоит рядом.

Нас встречает пара бойцов. Один почти пожилой, седой как лунь, с большими запорожскими усами, второй набороот — совсем молодой парень с коротким ёжиком волос и татуировкой на шее. Мы здороваемся.

"Шахтёр" спрашивает бойцов об обстановке. Седой, видимо, старший, неторопливо докладывает, что заметили, что видели, что слышали. "Шахтёр" кивает. Бойцы к нему уважительно обращаются "командир".

НАШЕ ВРЕМЯ

информационного обжорства новости из Донбасса стали привычной обыденностью. Они уже давно вытеснены с первых полос. И дончане со своими бедами и проблемами стали почти незаметны в этом информационном гуле. Попал снаряд в школу? Так никто не погиб! Вся ночь обстреливали Зайцево? Так там уже пять лет стреляют! Ранили местного жителя? Так не убили же...

Донецк где-то там...

А тут Зеленский со своей трагикомической ролью шута на президентстве. Тут украинские эксперты, которые на российских ток-шоу не жалуют лужёных глоток, доказывают, что украинский волк давно обомлет овецим руном и теперь только ласково облизывает руки своим непорочным соседям. А зубами — ни-ни! "А шо стреляют, так то сами "сепары" по себе и бьют!" И ведь им верить!

Каково людям, пять лет живущим под огнём, слушать витивасты лощёных московских либералов, что России нужно сделать шаг навстречу Украине и начать разоружать донецкие корпуса, и вообще, почему бы не передать Украины границу? Это же её граница, и Донбасс — это Украина!

От таких "перспектив" у самых безнадёжных оптимистов руки опускаются...

Дончане смешно "гэкают", они часто шумны и по-жужному эмоциональны. Они недоверчивы и привыкли полагаться на себя. Они умеют считать гроши в кармане и рядиться "за своё". Они совсем не библейские агнцы!

Но это именно те люди, кто поверил в тот "русский мир", который мы сами себе не очень-то представляем. Кто ради него обменял свою вполне обеспеченную жизнь — одного из богатейших регионов Украины, — на существование, фактически, в клетке, запертые между ненавидящей их и пллюющейся огнём бандеровской Украиной, и хмурой Россией, которая когда мать, а когда и злая мачеха!

Это те люди, которые за верность нашей общей истории, за верность общей родной речи, за право быть нам братьями, вот уже пять лет терпят муки войны, принимая лишения, знают нужду и платят за это самую страшную цену — кровавую! Своими жизнями, жизнями своих родных, своих детей.

Чем мы можем облегчить их долю? Чем "компенсировать" — какое холодное чиновничье слово! Паспорта даём? Да мы должны были их раздать ещё четыре года назад, но всё тянули, оглядывались на Запад. Что скажет горячий кусок угля из-за океана, не обидится ли тонкоглавый фрау из Германии, не сдвинет ли брови микроскопический французик? Паспорта — это наш долг! И приращение России миллионами образованных, трудолюбивых, единокровных, единоверных, а главное, верных ей граждан, это наше великое счастье!

Мы можем отдать свой долг Донбасу тем, что как можно шире раскроем наши двери перед ним. Тем, что разберём таможенных частоколы и дадим возможность людям не только вдохнуть жизнь в свою истерзанную войной экономику, но и строить общую с Россией экономику, работать на наших рынках так же, как это делает сегодня Беларусь или Казахстан. И уже через пар лет Донбасс станет таким же процветающим регионом, как соседняя Белгородчина или Ростов. Что-что, а работать дончане умеют!

Мы должны отдать свой долг Донбасу тем, что вместо сегодняшнего безразмерья, которое мертвит тут жизнь отсутствием перспектив и понимания того, что же здесь будет завтра, подарим им будущее. Наше общее будущее! Дончане, как никто другой, заслужили это право...

РАЗГОВОР МЫ ПРОДОЛЖАЕМ руже глубоко в тылу. Отсюда до передовой аж целый километр! В кружащем парит крепкий кофе.

— Конечно, очень сильно нас вяжет запрет отвечать огнём на обстрелы, — говорит "Шахтёр", затаиваясь сигаретой, — И теперь всзэушкини уже просто